

Библиография

Брегадзе Л. Словарь грузинского жаргона, Тбилиси, 2005.

Ефимова Е. Современная тюрьма. Быт, традиции и фольклор. М, 2004. С. 72.

Shashkin A., Salagaev A. Violence and victimisation on the street: Power struggle and masculine hierarchies in Russia // Finnish Youth Research Publication Series. Helsinki, 2004.

Anderson E. Code of the Street. Decency, Violence and the Moral Life of the Inner City // Male Sociability and Rituals of Masculinity in Rural Andalusia, Anthropological Quarterly. 1983. Vol. 56, No. 3. P. 125–133.

Garot R. Inner-City Teens and Face-Work: Avoiding Violence and Maintaining Honor // A Cultural Approach to Interpersonal Communication. Wiley-Blackwell, 2006.

Garot R. Where you from! Gang Identity as Performance // Journal of Contemporary Ethnography. 2007. Vol. 36, No. 1.

Harding D.J. Neighbourhood Violence and the Age Structure of Peer Networks: Socialization of Adolescent Boys in Disadvantaged Neighborhoods. Population Studies Center Research Report 05-586, December, 2005.

Jankowski M.S. Islands in the Street: Gangs and American Urban Society. Berkeley, CA, 1991.

Jimerson J.B., Oware M.K. Telling the code of the street. An ethnomethodological ethnography // Journal of Contemporary Ethnography. 2006. Vol. 35, No. 1.

Koehler J. Die Zeit der Jungs. Zur Organisation von Gewalt und der Austragung von Konflikten in Georgien. Munster, 2000.

Venkatesh S.A., Levitt S.D. “Are we family or business?” History and Disjuncture in the Urban American Street Gang // Theory and Society. 2000. Vol. 29, No. 4. P. 427–462/

Vigil J.D. Group processes and street identity: adolescent chicano gang members / Ethos. 1988. Vol. 16, No. 4. P. 421–445/

Whyte W.F. Street Corner Society. Chicago, 1943.

Ю.Ю. Карпов

КУТАНЫ В ДАГЕСТАНЕ: ОБЪЕКТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ФАКТОР ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

В период развитого Средневековья в Дагестане сложилась система хозяйственного районирования, при которой равнинные районы специализировались на земледелии, а горные и высокогорные районы — на животноводстве, преимущественно разведении мелкого рогатого скота (овец). Между жителями разных природных зон осуществлялся товарообмен. Однако природно-климатические условия горных местностей предопределяли потребность горцев к аренде зимних пастбищ на плоскости, где их скот выпасался с осени до поздней весны (равно как скот жителей равнины в летний период выпасался в горах). Подобная система хозяйственной деятельности оттачивалась веками и к XX в. была весьма отлаженной. Достаточно указать, что только из горных районов Южного Дагестана на зимний период семьями вместе со скотом «перекочевывало» в

сопредельные районы Азербайджана (Муганская степь) до 65 тыс. чел [Дагестанский сборник... 1902: 89] (на этом основании в дореволюционной публицистике образ жизни горцев называли кочевым, а их самих — кочевниками).

Зимние пастбища на равнине дагестанцами обычно именуется турецким словом *кутан* (лакск. *кьутан* — ‘зимнее пастбище, место зимовки скота (овец)’, кумык. *кьотан* — ‘большое земельное угодье, в основном пастбищное; кошара, помещение для скота и работников на угодьях’) [Джидалаев 1990: 71]¹.

Установление советской власти на Северном Кавказе, в частности в Дагестане, проходило под лозунгом наделения страдавших от малоземелья горцев соответствующими угодьями. Руководители Дагестанской республики придавали этому акту особое значение. В 1923 г. председатель Совнаркома ДАССР Н. Самурский заявлял: «Это переселение является в Дагестане коренным политическим вопросом. Вопрос о переселении горцев есть вопрос о завоевании Дагестана Советской властью» [Аграрный вопрос... 2006: I, 28]. В соответствии с провозглашенными целями строилась политика, во главу угла которой была положена земельно-водная реформа, предполагавшая наделение горцев землями на плоскости путем их массового переселения туда. Составной частью данного плана являлось и надежное обеспечение хозяйств горцев зимними пастбищами не только в Муганской степи и Алазанской долине (Грузия), практика использования которых сложилась столетиями раньше, но и в пределах собственной республики, благо последние в первой половине 1920-х годов были существенно расширены: тогда Дагестану от Терской области были переданы Хасавюртовский, Кизлярский и Ачикулакский округа.

В 1920-х — первой половине 1930-х годов политика переселения горцев не очень успешно, но реализовалась. Однако во второй половине 1930-х годов союзным правительством она была признана ошибочной и даже вредительской² и в больших масштабах заморожена. О причинах подобного изменения позиции власть имущих можно догадываться³, но именно с этого времени была сделана ставка на предпочтительное развитие животноводческого направления хозяйства республики (генеральные планы вновь будут скорректированы в 1950-е годы). В условиях осуществленной коллективизации крестьянских хозяйств представлялось возможным обеспечение горных колхозов зимними пастбищами

¹ В Южном Дагестане параллельно еще в ходу термин *казма*, который, впрочем, предполагает более основательное обустройство используемой территории, пастбища. Лезг. *казма* — ‘землянка, лачуга, хижина’, кумык. *казма* — ‘кошара, помещение для скота и работников’, азерб. *газма* — ‘землянка, подземелье’ от глагола *газ* — ‘рыть, копать’ (турк); лезг. *кьышлах* — ‘зимнее пастбище, зимовье’, то же в азерб. яз. [Джидалаев 1990: 70–71].

² Официальные лица тогда заявляли: «В свое время проводилась земельно-водная реформа, по существу являвшаяся вредительской, с точки зрения того, что в горах социализма строить нельзя, нужно всех горцев переселить на плоскость. Эта посадка на плоскость так была организована, так проводилась, что в основном создала среди горских масс <...> исключительное озлобление этим мероприятием» [Аграрный вопрос... 2006: I, 199].

³ Тогда же большая часть ранее присоединенных к Дагестану равнинных районов была от него отторгнута и передана в состав вновь образованного Орджоникидзевского края (который в основных своих границах соответствовал современному Ставропольскому краю).

через долгосрочную аренду оными пастбищ в плоскостной зоне республики. В этих целях в равнинных районах проводилась реорганизация землеустройства и землепользования, в том числе путем ликвидации мелких населенных пунктов с передачей земель горным хозяйствам и соответствующей переспециализацией профиля их хозяйственного использования. На практике в принудительном порядке ликвидировались не только так называемые хутора, но и крупные населенные пункты (например, одно из старейших кумыкских селений Кази-юрт).

Если оригинальное значение *кутана* предполагало возведение на его территории лишь временных строений и регулярно сменяющийся контингент работников, то новые реалии оказались другими. Горцы, перебравшиеся в прикутаные хозяйства («на кутаны»), обживались там основательно. За десятилетия подобной практики расположенные на плоскости кутаны «собирали» в себе значительные массы горцев, при том что их жители продолжали числиться за сельскими администрациями горных аулов. В итоге через официальную статистическую отчетность «можно было получить искаженно-комическое представление о наличии на кутанах определенного поголовья личного скота, школ и лечебных заведений — при полном отсутствии там постоянных жителей» [Полян 1988: 135]. Люди в прикутаных хозяйствах — многие из последних со временем становились самодостаточными хозяйственными и социальными структурами — могли меняться (по типу своеобразного вахтового метода на длительный срок приезжать из горного селения-метрополии), однако контингент населения там всегда был значительным и, по оценкам, составлял от 1/5 до 1/2 населения горных аулов [Там же: 136].

Подобное положение вещей не могло не вызвать негативной реакции среди «традиционных» жителей равнинных районов — кумыков и ногайцев (с русскими ситуация особая). Прикутаные хозяйства с отведенными под них землями существенно ограничивали возможности развития хозяйств коренного населения, и это усугубляло недовольство последнего, рожденное последствиями массового переселения горцев на равнину (главным образом в кумыкские районы). Ведь переселенцам предоставлялись ссуды, налоговые льготы, часто выделялись земельные участки больших размеров, нежели коренным жителям и др.

Советский период истории Дагестана был отмечен еще одним новшеством в социальном бытии. В отличие от «традиционного миропорядка», политическими субъектами коего являлись ханства и «вольные» общества (союзы сельских общин), в Дагестане нового формата таковыми стали народы/этносы. Поэтому в середине XX столетия в сложившихся обстоятельствах речь зашла не о «горцах» и «жителях равнины» как таковых, но о горцах в национальном обличье — аварцах, лакцах, даргинцах, лезгинах, якобы ущемлявших права и возможности для полноценной жизни и развития кумыков и ногайцев. В первую очередь виновными виделись аварцы и даргинцы, так как руководителями республики с середины 1940-х годов был аварец А.Д. Даниялов (в 1937–1939 гг. — нарком земледелия ДАССР, в 1940–1948 гг. — председатель СНК ДАССР, в 1948–1967 гг. — первый секретарь Даг. Обкома КПСС, в 1967–1970 гг. — председатель Верховного Совета ДАССР), потом даргинцы М.-С.И. Умаханов (в 1967–1983 гг. — первый секретарь Даг. Обкома КПСС) и М.М. Магомедов (с 1983 г. — председатель Совета министров

ДАССР, с 1987 г. — председатель президиума Верховного Совета ДАССР, с 1994 г. — председатель Госсовета РД).

На рубеже 1980–1990-х годов недовольство кумыкской общественности, представленной народным движением «Тенглик» («Равенство»), оформилось в политическую цель восстановления прав на ранее принадлежавшие кумыкам земли и даже выход Кумыкии из состава Дагестана. На волне активно переживавшегося населением роста этнического самосознания в программных требованиях «Тенглика» было заявлено о «сохранении экономически и демографически целесообразного образа жизни кумыкского населения, а также среды обитания; о прекращении массового переселения (выходцев из горных районов. — *Ю.К.*) в Кумыкию и о возврате незаконно изъятых земель их законным хозяевам». Земельные угодья кумыкского народа, восполненные и защищенные от новых посягательств со стороны, как предполагалось, должны были стать базой «восстановления всех структур этнизации» [Кумыкское народное движение «Тенглик»... 1996]. Схожие заявления делало и ногайское общественно-политическое движение «Бирлик».

Стабилизация экономики в стране и повышение уровня жизни населения в конце 1990-х — начале 2000-х годов вроде бы должны были снизить остроту данного вопроса. Однако он сохранил злободневность. В октябре 1996 г. правительством республики был принят закон № 18 «О статусе земель отгонного животноводства в Республике Дагестан», который с незначительными поправками действует по настоящее время. Согласно этому закону, значительная, а то и большая часть земель равнинных районов РД — Бабаюртовского, Кизилюртовского, Кизлярского, Тарумовского, Ногайского и др. — остаются закрепленными за хозяйствами горных районов (в одном Ногайском р-не это более двух сотен хозяйствующих субъектов) с целью их использования в качестве зимних пастбищ для мелкого рогатого скота (в Ногайском районе это 65 % его территории, в Бабаюртовском — 86 %).

Между тем нынешняя ситуация в сельском хозяйстве республики принципиально отличается от той, которая существовала прежде. Значительная часть колхозов и совхозов прекратила существование; едва ли не абсолютное большинство созданных на их базе кооперативов, государственных и муниципальных унитарных предприятий в новых условиях не в состоянии организовывать сезонные перекочевки (перевозки) скота из горных местностей на равнину. Типичным стало то, что на сохраняющихся за ними зимних пастбищах (кутанах) выпасается скот частных состоятельных владельцев, хотя в документах фигурируют те или иные коллективные хозяйства. Наконец, внушительная часть скота «горских хозяйств» выпасается на кутанах круглогодично, в результате чего нарушены нормы эксплуатации пастбищ, происходит их эрозия, опустынивание (в первую очередь в Ногайской степи).

По этим причинам заявления кумыкских и ногайских общественно-политических организаций в адрес федеральной и республиканской властей, появившиеся в 2007–2008 гг., стали еще более резкими, чем прежде. Прочитирую фрагменты подобных заявлений в адрес президента Российской Федерации, в которых затрагивается проблема кутанов. «Количество кутанов в 1926 г. было 125, там жило более 15 тыс. человек, а в 1959 г. увеличилось до 406

кутанов и жило там уже более 35 тыс. человек. А уже к 80-м годам на кутанных землях было построено 106 населенных пунктов, не имея никаких разрешений и утвержденных проектов. Хотя негласное разрешение и поддержку они всегда получали от республиканской власти. <...> Создано Территориальное управление народным образованием отгонного животноводства. На федеральные деньги там прокладываются асфальтированные дороги, строятся больницы, школы, <...> т.е. власть РД вместо наведения порядка и наказания виновных укореняет этот наглый самозахват кумыкских земель! <...> Переселенцы в силу того, что они чужаки на кумыкской земле, ведут себя как колонизаторы-временщики, ведь это не их родина. <...> Кутанная система задумана и существует не как отрасль сельского хозяйства, а как колониальный инструмент оккупации кумыкских земель. Сегодня этот замысел всем стал очевидным» [Голос народа. 2008. № 7/19].

«На основании собранных материалов, <...> подтверждающих о целенаправленном, постепенном, но последовательном выживании с территорий, исконно принадлежащих ногайцам, <...> лишении права распоряжаться своими этническими землями, территорией и ресурсами <...> в отказе государства в обеспечении юридического признания и защите этнических земель и ресурсов, принадлежащих коренному народу — ногайцам <...> [считаем необходимым] обратиться в международные правовые организации, в Гаагский трибунал под мотивировкой — ГЕНОЦИД».

В целом положение в сегодняшнем Дагестане если не взрывоопасное, то весьма напряженное. И составной частью конфликта республиканского масштаба является проблема земель отгонного животноводства или кутанов (но совокупно с более широкой проблемой горцев-переселенцев; подробнее об этом см.: [Карпов 2008]). По материалам и оценкам экономистов, возможности, предоставленные горным колхозам и совхозам в плане распоряжения землями на выделенных им кутанах, привели к сокращению обрабатываемых земель в горах при одновременном увеличении запашки пастбищ на равнине. В 1980-е годы целый ряд горных районов имел более 90 % пашен за пределами своих территорий, при том что показатели продуктивности сельского хозяйства в прикутаных хозяйствах были в 2-2,5 раза ниже, а себестоимость выше, чем в хозяйствах равнинной зоны.

Те же экономисты предлагали без ущерба для животноводства перевести часть овцепоголовья (до 0,5 млн голов) на круглогодичное содержание в горах, что позволило бы освободить на равнине порядка 200 тыс. га зимних пастбищ (цит. по: [Османов 2000: 301–302, 305]). В прессе, на конференциях, митингах и т.д. обсуждались темы отмены льгот работникам прикутаных хозяйств, переселенцам, изменения правового статуса кутанов, в том числе через юридическое оформление сложившихся на их территориях населенных пунктов. Кое-какие изменения за последнее десятилетие произошли, в частности некоторые поселки прикутаных хозяйств обрели собственную администрацию, однако это вызвало острую критику республиканского правительства кумыкской общественностью.

В 1920-е — 1930-е годы. местное и союзное руководство через организацию широкой сети кутанов в равнинной зоне Дагестана (и организацию массового

переселения горцев на равнину) намеревалось решить в первую очередь политическую задачу, а взаимосвязано с этим и хозяйственно-экономическую проблему. Очевидно, что реализация данных планов по истечении нескольких десятков лет принципиально изменила социальный облик республики, картину и географию национального состава ее населения, тем самым резко обозначив новые политические (этнополитические) проблемы. Одновременно проблема хозяйственно-экономического самообеспечения Республики Дагестан в целом была решена неудовлетворительно. Жители равнинных районов республики говорят, что в настоящее время на их территории выпасается скота больше, нежели в советские годы, в соседнем Ставрополье уверяют, что Дагестан ныне продает зерна (путем «хитрых операций») больше, чем их собственный хлебодородный край. Это непроверенные (и трудно проверяемые) данные, однако это и взгляд на ситуацию обывателей (в «положительном», исконном значении слова), сопричастных наблюдаемому и переживаемому. Возможно, им видней, хотя Республика Дагестан официально числится в списке дотационных регионов РФ. И при всем этом кардинально изменился облик горных селений, часть полностью оставленных жителями, а в большинстве с заброшенными террасными полями и сравнительно малочисленным скотом, пасущимся на горных склонах, — итог решения актуальных политических задач.

Библиография

Аграрный вопрос и переселение горцев Дагестана на равнину. Документы и материалы / Под общей ред. А.И. Османова. Махачкала, 2006.

Дагестанский сборник / Сост. Е.И. Козубский. Темир-Хан-Шура, 1902.

Джидалаев Н.С. Тюркизмы в дагестанских языках. Опыт историко-этимологического анализа. М., 1990.

Карпов Ю.Ю. Этносоциальные трансформации в условиях миграционных процессов (на примере Дагестана) // Северный Кавказ в национальной стратегии России / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2008.

Кумыкское народное движение «Тенглик». Материалы и исследования / Сост. и ред. К.М. Алиев. Махачкала, 1996.

Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20–70-е годы XX в.). Махачкала, 2000.

Полян П.М. Население и системы расселения горных регионов СССР // Горные территории: рациональное природопользование, хозяйственное освоение и расселение. М., 1988.